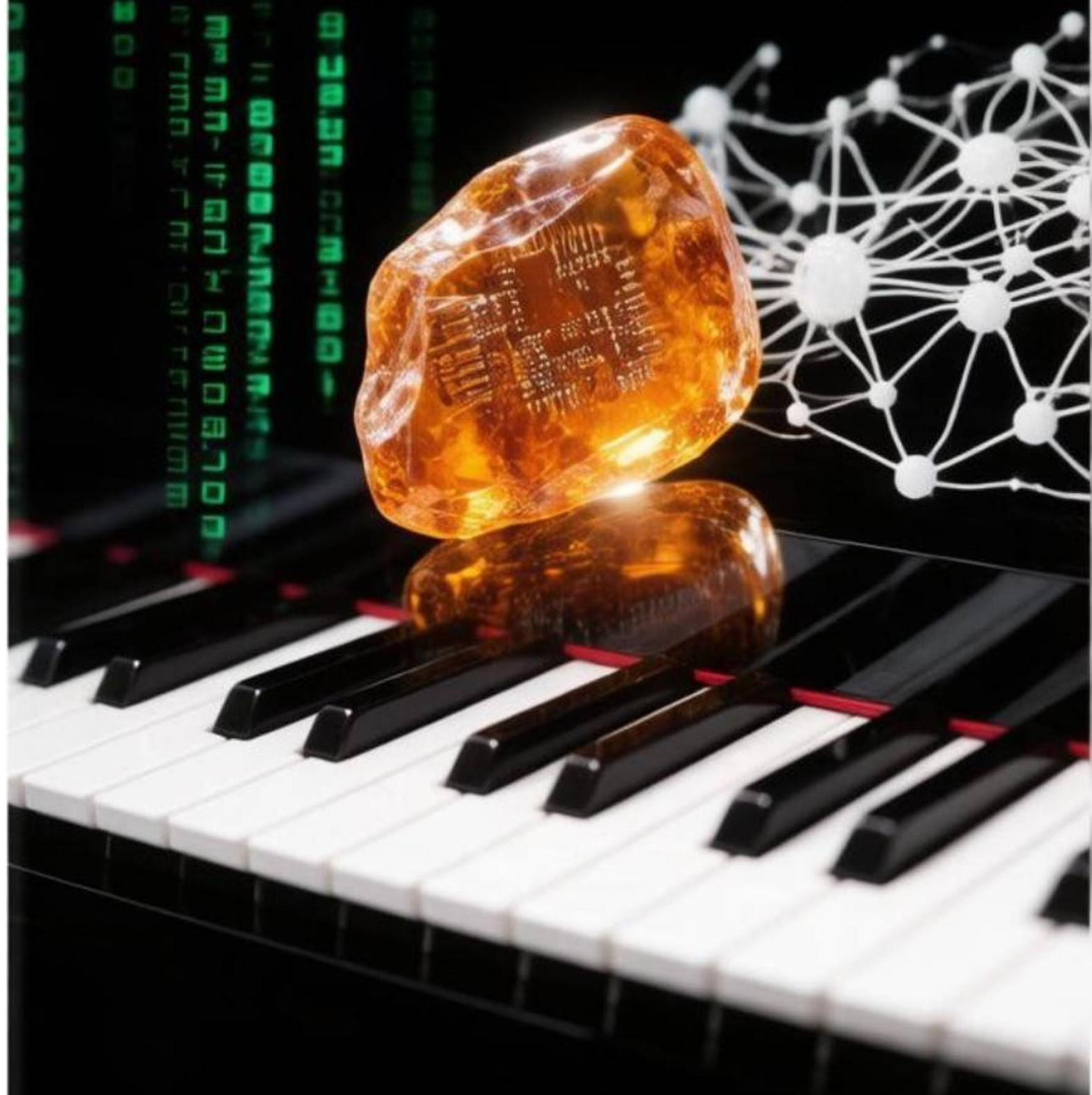

ПРОЕКТ „ЯНТАРЬ”

НАТАЛЬЯ ГОРСКАЯ

Наталья Горская

Проект "Янтарь"

«Автор»

2026

Горская Н.

Проект "Янтарь" / Н. Горская — «Автор», 2026

Выдающийся пианист, «Рихтер ХХІ века», узнаёт, что его гениальность — результат секретного советского эксперимента. Дочь академика, работавшего над проектом, хочет уничтожить уникальный прибор, гениальность синтезирующий. Их встреча — не случайность. У этих двоих всего две недели, чтобы найти правду и решить, как с ней жить. Повесть о таланте, его цене и людях, делающих сложный выбор.

© Горская Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Глеб	5
Глава 2. Брусницы	8
Глава 3. Папка из чулана	11
Глава 4. Яна	15
Глава 5. Академик	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Наталья Горская

Проект "Янтарь"

Глава 1. Глеб

Сквозь панорамные окна плавился Сеул. Потоки машин лавой текли по улице, реклама простреливала молниями. С сорок шестого этажа людей было не различить. А яркий свет бил по глазам, по нервам, по струнам. Жалюзи замерли по краям прозрачной стены, как солдаты почётного караула. Он не стал их закрывать, чтобы не задыхаться в бункере номера-люкс. Ему важнее были воздух и свет, даже если искусственные.

Сегодня вечером он ненавидел свой талант и свой график. Зачем Алла так плотно натолкала всего? Концерт. Перелёт. Опять концерт. Опять перелёт. Он устал от себя и от Аллы. От Аллы так особенно.

Она выпорхнула из ванной — бодрая, лёгкая, весёлая. Мурлыкала под нос что-то, заметно не попадая в ноты и сбивая ритм. Глеб дёрнулся, как от боли. Фальшь не может нравиться. Он чувствовал её, но зависел от Аллы и завяз в привычной декорации своего таланта. Это раздражало.

— А ты что, всё ещё не переоделся? — удивилась его арт-директор. — Глеб, сколько можно держать себя в этом чехле? Снимай и сдай его в прачечную, от тебя несёт потом. Ты переусердствовал сегодня.

А он сидел как в броне, запертый в жёстких латах. Рыцарь от музыки. Только и сделал, что распустил галстук-бабочку. Даже лаковые туфли не снял. В висках стучало. Четыре четверти. Метроном. И только цветы — яркие, душистые — жили среди бездушья и неона. И куда их? Погибнут.

Алла обняла его тонкими, влажными руками и зашептала в ухо:

— Ну же, встряхнись. Два часа прошло. Вернись из своей музыки. Завтра туда полезешь. И будешь как всегда безупречен. А сейчас надо отдохнуть. Закажу ужин в номер?

Глеб закрыл глаза. Он бы и уши заткнул. Аллочка достала со своими бесконечными «надо». Надо, надо. Прямо в ухо. На-до-е-ло. Глеб скрипнул зубами и поднялся. Куда бы деться от неё? Он молчал — чтобы после не пожалеть о сказанном. Склоки не хотелось.

Вода зашумела в кабинке. Если стоять под холодными струями, то кажется, что море совсем рядом. Хотя нет, море не так пахнет, не так шумит. Оно музыкальнее. А это просто механический шум — без ритма, без темпа. Он давно не был на море. Чёрт бы побрал Аллу с её графиком. Когда передышка? Махнуть бы туда, где ветер, песок, волны и никаких людей.

А на дождь похоже. На сильный-сильный ливень с его крещендо и рокотом басов. Он и под ливнем тысячу лет не бегал, даже забыл, как это. Кажется, последний раз он весело спасался от грозы вместе с отцом, ещё ребёнком. Давно. Тогда ещё не было переполненных зрительных залов, нескончаемых аплодисментов и вспышек фотокамер. Тогда он не был выдающимся музыкантом современности, «Рихтером XXI века».

А кем был? Мальчиком Глебушкой. Так звала его мама, когда они оставались одни. Она звала его и почему-то печально и тревожно улыбалась. Отчего она всегда грустила?

Глеб поспешно выбрался из душа, запахнул белый рыхлый халат. Чёрт, он же маме не позвонил в условленное время. Сколько сейчас в Москве? Пять вечера. Самый раз, она уже ждёт. Аллы не было в номере, от неё остался только горьковатый запах модных духов. Убежала, да и слава богу. Когда она кривит губы и саркастически картинно приподнимает бровь, то Глеб сбивается с тональности. Разговор с мамой получается скомканный, виноватый. Но сегодня Алла ему не помешает.

— Мама. — Она взяла трубку сразу. Слышно было чисто, словно он не находился сейчас за тысячи километров.

— Глеб, — родной голос проткнул это немыслимое расстояние. — Как там твои дела?

— Всё нормально, мам. Ещё осталась пара концертов, и я приеду. Соскучился.

— И я, — опять этот грустный тон. — Когда ждать тебя?

— К середине декабря. А снег лежит?

— Нет пока, такая слякоть. Но к декабрю нападает, наверное. Так я буду ждать.

— Я приеду, мам. Обещаю.

Она помолчала.

— Приезжай один, Глебушка, без твоей директрисы. Поговорим, это важно.

— Что-то случилось? Ты заболела?

— Нет-нет, — голос сделался бодрее, — но нам непременно надо поговорить.

— Пока, мам.

— До встречи, мой хороший.

Внутри мутной каплей повисла тревога. В мыслях загудела одинокая струна. Что случилось? Опять беспокойство в голосе. Почему она не хочет видеть Аллу? Да ладно, своего арт-директора даже он видеть не хочет. Побудет в кои-то веки без неё. Он же не дитя в конце концов, чтоб его беспрерывно опекали.

Дверь отъехала в сторону.

— А вот и я, — Алла вернулась. — Ходила на крышу. Там отличная смотровая площадка и ресторан. Пойдём?

— Нет, я устал. Поваляюсь в номере. Есть тоже не буду. Не хочу.

Она что, совсем ничего не понимает?

— Ой-ей, — и бровь издевательски полезла вверх, — музыкальный гений совсем расстроился. С мамочкой поговорил?

Алла утратила свою мимолётную кокетливость. В голосе прорезались резкие металлические ноты. Они всегда появлялись, когда речь заходила о расписании.

— Завтра у тебя вечер Шопена. Ты помнишь? — это как подписать договор. И он — её контракт.

— Да, — механически-бездумно.

— Тогда отправляйся спать. Костюм в чистку отдала. Я в бар, там веселее. С Шопеном сам разберёшься, надеюсь.

Он разберётся. Шопен — это хорошо. Спокойно, ненавязчиво, нерезко. Шопена играть легко. Пальцы сами бегут по клавишам, без его воли. А он просто наслаждается. И публика наслаждается, и Алла, наверное. Стоит в кулисах и молчит. Всем хорошо. Всех примирил великий Шопен. Сегодня и спустя пять дней. Всегда.

Шопена он играл и в Пекине. Гигантский зал тосковал и трепетал вместе с ним. Дышал, слушал, внимал — ему, Глебу Цветкову. И он дышал с тысячами людей в один такт. Снова только музыка как спасение, надежда, предчувствие.

А потом — лавина аплодисментов, поклоны, цветы. Куда их девать? Вспышки фотокамер. Дежурные вопросы, дежурные, заготовленные заранее ответы для журналистов. Переводчик, Алла, незнакомые лица. Всё кружилось перед глазами. Как же он устал от своего азиатского турне! Нет-нет. Домой, в сосновый бор, в снег, в тишину. А пока спать.

Его разбудил рингтон. Кто это? Два часа ночи? Экран светил холодом. Мама? Почему? Мутная капля тревоги сорвалась в чёрную бездну.

— Мама?

— Нет, Глеб Сергеевич. Это Валентина Петровна, ваша домработница. Беда, Глеб Сергеевич. Полина Георгиевна... Она... Её больше нет... Приезжайте поскорее.

— Мама, — внутри крикнул маленький Глебушка. Он скатился в горе. Как когда-то на лыжах со склона в Брусницах.

«Не поговорил, не успел», — обрушилось на него.

Глава 2. Брусницы

— Мама, — кричал Глеб с вершинки крутобокого холма, — смотри!

Он энергично оттолкнулся палками. С лёгким шелестом лыжи понесли его вниз. Глеб лихо поставил правую на ребро и, подняв снежные брызги, по широкой дуге выкатился на ровный пятачок у подножия горушки. Прямо к маме.

— Я как горнолыжник, — гордо выдохнул он. — Смотри, как затормозил!

Мама весело наблюдала, как сын раз за разом взбирался на невысокий холмик и съезжал вниз. Глеб взмок и покраснелся. На варежках снег свалился в комочки, шарфик выбился из-под яркой курточки. В ней Глеб напоминал снегиря. Но те были толстыми и степенными, а Глеб — бойким и подвижным. Снегирь-мальчишка. Таким он ей особенно нравился. Не хотелось уходить с морозца в дом.

В доме было тепло, несмотря на его размеры. Цветковы переехали в свой коттедж в начале декабря. И всё было непривычно, волнующе. Некоторые комнаты пока встречали запахом краски и клея. Глеб гонял среди коробок, строительных запахов и гулкой пустоты на самокате. Радовался пространству и веселил маму.

— Ж-ик, ж-ик-жик — пел мальчишка, улавливая в этих звуках мелодию.

Полина улыбалась: жизнь шумела, пела и катилась дальше.

— Ничего, — обнадежил её Сергей, оглядывая новый дом, — были бы стены, а барахло — дело наживное. Главное, глебкин инструмент перевезли. Пусть репетирует.

А дальше уже не договорил. Запиликал телефон. Сергей схватил трубку, и сразу голос его сменился. Стал деловым и даже грубоватым. Он рыкнул в телефон и сделался строгим директором строительной фирмы. Полина не стала дослушивать. Увидела, как муж пробежал к машине. Шофёр привычно распахнул дверцу. «Опять приедет за полночь», — мелькнуло в голове.

А наутро в доме появились весёлые ребята — почти студенты.

— Сергей Сергеич предложил нам заняться дизайном интерьеров, — предупредила длинноногая и длинноносая девица. А её круглоголовый, похожий на боксёра напарник кивнул.

— Но нам сказали, чтобы всё-всё мы согласовали с вами, — уточнил он почтительно. — Начнём со спецификации.

Полина надеялась, что они вместе с Серёжей объедут мебельные салоны и будут что-то обсуждать, выбирать, придумывать. Это так увлекательно. И снова одна осталась. И вдруг незнакомые люди. Она растерянно отступила, пропуская эту парочку в гулкий холл.

— Поля, — возмутился вечером Сергей, — ну ты сама подумай. Когда мне этим всем заниматься? У меня дел от пуга до маковки.

В подтверждение своих слов он шлёпнул себя по макушке и набросился на поздний ужин.

— Я тебе самых толковых ребят нашёл. Не могу я пока, некогда. Как говорят — куй железо, не отходя от кассы. Я такой заказ ухватил.

Он сладко зажмурился и покачал головой:

— Мечта, а не заказ — перспективный, денежный, государственный. Надо самому во всё сначала вникнуть, а уж потом с подчинённых спрашивать. А ты руководи здесь всем, чего ж без дела сидеть. Я тебе полностью доверяю. Ты же у меня умница, это и твой дом тоже. Всё равно не работаешь.

Полина не ходила в лабораторию уже полгода. Научно-исследовательский институт, где она была лаборантом в отделе нейрофизиологии, закрыли. Финансирование прекратили. Сначала она просто отдыхала, но очень быстро нашла себе применение.

Музыкальные занятия Глеба требовали всё большего времени. Из невинного увлечения ребёнком выросло нечто невообразимое. С ним появились музыкальная школа и пожилая дотошная Галина Филипповна, которую каждый день торжественно привозили в Брусницы.

«Невероятно одарён» — сказала она после первого занятия.

Подвижный открытый мальчик менялся. И только страсть к музыке оставалась с ним всегда.

Полина решила быть с сыном. Взять под контроль его распорядок и занятия. И кроме того, хотелось продолжать наблюдения. Такое дело бросить на полпути нельзя. Эксперимент, который начали в институте восемь лет назад, выдал совершенно невероятный результат. О таком они с коллегами даже не мечтали. Опыты надо доводить до конца, а результаты — сравнивать и анализировать. Наука есть наука.

Но времени на науку у неё почти не оставалось. С самого утра с Глебом: музыка — школа — музыка. Кругом была только музыка. Она поглотила её мальчика — худенького, светловолосого, сероглазого. Очень похожего на отца.

И тот, и другой любили лыжи. Когда у Сергея выдавалась пара свободных зимних дней, он уводил сына по снегу в сосновый бор. Там учил скольжению, ходу, терпению. Полина ходила с ними, но обычно просто наблюдала. Вот тогда она была по-настоящему счастлива. А лыжи хранились в особой кладовой как самый ценный артефакт в доме. Разумеется, после рояля.

Рояль привезли перед самым Новым годом. Бригада деловитых грузчиков бережно внесла его и поставила на положенное место. Глаза у Глеба округлились, стали вертикально-овальными. Такого подарка ему никакой Дед Мороз точно не сделал бы. Только отец. Австрийский Bösendorfer сверкал чёрным лаком и походил на добродушного кашалота. Для него даже подготовили зал.

— Могу себе позволить, — рассмеялся Сергей, наблюдая за оторопью сына. — Играй, Глебка, раз ты у нас выбился в гении. Настройщика вот ещё позову хорошего. Это как в гонках — без хороших лыж нужной скорости не будет.

Глеб играл. Стали приходить результаты. Галина Филипповна умилённо моргала, но всегда оставалась чем-нибудь недовольна. То звук он не так извлекал, то не так обрывал музыкальную фразу. То недостаточно *пиано*, то недостаточно *форте*. То *таккато* не выходит, то *модерато* — не *модерато*. То гаммы, то этюды. Она настояла на переводе в школу при консерватории. Педагог она была строгий и добрый. Если у Глеба что-то не выходило, то искренне огорчалась и почти плакала. Он старался её не расстраивать.

А ещё они вместе обсуждали прочитанные книжки. Им обоим нравился Чехов.

— Он у нас вместо будильника, — смеялся отец, когда перед завтраком Глеб «пилил» гаммы. — А ну, Глебка, сделай мою любимую.

Сергей немного поднаторел в музыке, но особенно уважал гамму хроматическую. И вслушиваясь, каждый раз прищёлкивал языком с удовольствием:

— Во, помчал, наконец, к финишу. Вот теперь можно и на работу отправляться. Разгон что надо. Даёшь, Глебка, первое место.

Глебка дал. Он привёз в Брусницы Гран-при конкурса имени Гнесиных и сообщение о первом взрослом сольном концерте. Отец сиял, а вот мама почему-то прятала глаза. Глеб не знал причины, а потом разглядел в них страх. Она чего-то боялась.

Но первый сольный концерт Глеб всё же играл дома, в Брусницах. Родители собрали соседей, знакомых, коллег по работе. Пришли даже бывшие мамы сотрудники из лаборатории. Они бесконечно что-то обсуждали, спрашивали, переговаривались и смотрели на тринадцатилетнего Глеба с удивлением и подозрением.

Глеба познакомили даже с академиком Ветровым — грузным седым мужчиной. Тот посмотрел на него как на мышонка в лабораторной клетке. Благоклонно кивнул, натянуто

улыбнулся, но за толстыми стёклами очков Глеб снова увидел страх. Он был одинаковым с маминым.

— Выступает обладатель гран-при конкурса юных пианистов имени Гнесиных, — громогласно возвестил отец. Он с явным превосходством оглядел всех собравшихся. Ни у кого здесь не было гениального пианиста. А у него был.

Глеб аккуратно поклонился собравшимся гостям и заволновался. Галина Филипповна, сидевшая на самом почётном месте, одобрительно кивнула ему. Её седые кудряшки знакомо дрогнули — всё нормально, работай. И едва пальцы побежали по клавишам, как страх улёгся. Вокруг осталась только музыка. А с ней он управляться научился.

Только вот за отца было немного неловко.

Глеб услышал короткий разговор родителей в столовой случайно, когда все гости разошлись, а поздравления закончились. Не спалось, он спустился попить воды. Родители негромко ссорились. Они редко ссорились, и Глеб замер на лестнице, чтобы подслушать.

— И почему это я выпячиваю его талант? — голос у отца был злым и неприятным.

— Пусть он остаётся обычным мальчиком как можно дольше, — а у мамы сухой, учительский.

— Обыкновенным? Это мне говоришь ты?! Ты, которая... — отец осёкся. Стало слышно, как булькает содержимое бутылки. Пил отец тоже редко. Значит, дело серьёзное.

— Да, это я предложила Ветрову.

— Ты предложила, а он согласился. — Отец уточнил, кем считает выдающегося учёного.

— Себя вот ты не предложила. А ты думала, как он с этим будет жить?

— Он никогда не узнает.

Стало тихо.

— Узнает, — вдруг угрожающе проговорил отец. — Когда-нибудь он узнает, и нас с тобою не простит.

— Ты обещал молчать.

— А я и молчу. Уже тринадцать лет молчу. И Глебке от меня беды не будет. Но есть и другие, более разговорчивые.

Глеб нарочно громко зашлёпал босыми ногами по полу, чтобы предотвратить ссору. И они замолчали.

После этого странного разговора мама всегда смотрела на Глеба с тревогой и грустью. Лёгкой беззаботности в ней не осталось. А теперь вот и мамы не осталось.

Глава 3. Папка из чулана

Глеб оглох от горя и одиночества. Мир выключил все звуки. Зима тянулась пустой и слепой. Снег и ветер штриховали небо и воздух, как на серой гравюре.

Аллочка укатила в Австрию за очередным контрактом. Ей не хотелось траурных церемоний и печальных вздохов. Ей нужен был гениальный музыкант, а не скорбящий сын.

— В Вене ждут нашего ответа, не затягивай, Цветков, а то останешься без выгодного контракта, — бесился в трубке её голос. — Такое редко предлагают. Но я выбила тебе престижную работу. Думай быстрее и прилетай подписывать. Жду.

Чего она от него хочет? Какой контракт? Он смотрел на знакомый номер и не понимал. А потом нажал «отбой».

Дом тоже стоял оглохший, пустой и слепой. По утрам появлялась домработница Валентина Петровна. Тихонько возилась на кухне, готовила, убирала и оставляла его одного. Глеб чистил от снега просторный двор и уходил в сосновый бор на лыжах, чтобы вернуться уже в сумерках. Ему казалось, что там он сможет обрести их: отца, бегущего по сиреневой ленте лыжни, и стоящую под мохнатыми сосновыми ветками маму. Но нет. Снег был, сосны были, а пути никто не проложил. Все ушли. Тогда он сам встал на лыжи. Чтобы снова была лыжня, их след.

Но однажды на пороге собственного дома увидел незваного гостя. Это был Мишка Поцелуев. Его извечный конкурент на фестивалях и смотрах, неизменный консерваторский приятель, балагур. Добрая душа. И фамилия-то у него была говорящая. «Поцелуйчик» звали его в консерватории. А Миша не обижался. Его широкой, огромной, как Сибирь, откуда он был родом, души хватало на всё.

Мишку Глеб не встречал, кажется, тысячу лет. Тот мелькал на телевидении и стал лицом медийным. Он совсем не изменился: всё такой же медведеподобный, румяный, здоровенный. Только за роялем становился совсем другим — умным и чутким. Талант, ничего не скажешь.

— Привет, Глеб, — на этот раз давний знакомый был серьёзен. — Аллочка твоя звонила, она сказала, что у тебя стряслась беда. А ты чего засел один-то? Трубу не берёшь? Она там вся на изжоге. Такой контракт прогорает. Когда Алла Михайловна орёт, даже мёртвые встают. Как ты её терпишь?

Глеб растерялся, не знал, как ответить. Но Мишка ответа и не ждал.

— Хорошо здесь, — сказал он, оглядывая дом и двор, — настоящей зимой пахнет, как у нас. А в Москве слякоть невыносимая. Чаем-то напоишь?

«У нас» означало Тобольск, откуда Поцелуев прибыл однажды покорять столицу талантами. И ведь покорил.

— Собирайся, Цветков, — приказал Михаил. — Хватит хандрить. Ничего уже не изменишь. Жизнь, брат, такая штука заковыристая. Сегодня-завтра погостим у тебя в Брусницах и поедем на детский Рождественский фестиваль в Питер. Я за тобой в финальном концерте номер оставил. Ты бы поиграл немного, а то пальцы засохнут. Выбери такое, чтоб ребятишек поразить своими талантами, да и меня, грешного, ублажить божественным звучанием твоего рояля. Молодец твой батя, что такой инструмент купил. Память навсегда.

Мишка вытащил его из отчаяния. Хорошо, когда такие люди вовремя появляются. И Глеб снова закружился с концертами, контрактами, выступлениями.

А приехал в Брусницы уже в августе, когда рябины покрылись привычной рыжей ржавчинкой ягод. Сходил на кладбище, навестил отца, которого забрал ковид, и положил маме на могилу охапку поздних георгинов. Она их любила.

Перед долгой поездкой в Вену, где он будет выступать весь сезон с филармоническим оркестром, у него образовалась пауза. Пара недель. Он захотел провести их дома. Горечь

потери улеглась, и сейчас ему казалось, что мама просто вышла по делам, а отец задерживается на совещании. Но он уже большой мальчик и может остаться без присмотра. Теперь он тут хозяин.

Впервые за много лет Глеб зашёл в комнату к матери. Обычно она держала её закрытой, но теперь разрешения спрашивать было не у кого. И он переступил заветный порог. Странное чувство овладело им. На него со стены смотрели лики святых. На прикроватной тумбочке лежал истрёпанный молитвенник, потухшая лампадка и свечные огарки. Запах ладана полностью не выветрился. Как такое возможно?!

Мама, которая так гордилась принадлежностью к современной науке, с азартом рассказывала ему о тайнах мозга и психики, вдруг сделалась богомолкой? Нет, это точно не про неё. Не про Полину Георгиевну Цветкову. Она даже не крестилась никогда и фразу «слава богу» не произносила.

Что могло случиться? Может, Валентина Петровна знает? Она столько лет помогала по хозяйству.

— Последние года три она такая стала, — отозвалась домработница, что-то перебирая в голове. — Приезжал к ней какой-то человек. Пожилой, солидный. А после она долго плакала... Вот, наверное, с этих пор.

— Как его звали? — Глеб вдруг ощутил, как внутри нарастает холодное предчувствие и ощущение неизвестности. Словно смотришь в зал, а лиц не видно. Свет софитов мешает.

— Этого я, Глеб Сергеевич, не знаю, — испугалась Валентина Петровна. — Но только с той поры она зачастила в церковь. Да и здесь всё молитвы читала. Дождаться вас не могла. Что-то хотела рассказать вам, а вон как вышло. Не успела.

Валентина Петровна поспешила по делам, а потом вдруг вернулась:

— А вы среди бумаг её поглядите. Может, она вам что-нибудь там оставила. Писала-то матушка ваша подолгу.

Верно! Мама же вела дневник. Отчётливо выплыла картинка: он играет на рояле, а она сидит в кресле, тетрадь на коленях и что-то пишет. Где же теперь искать её тетради? В отцовском кабинете чистота и блеск. В шкафах ряды книг. Нет. Чердак встретил его пылью и сумраком. Нет. Библиотека? Бесполезно. В гараже холод и запах бензина. Отцовская машина грустит. Гостевые комнаты как всегда пустые и безликие. Нет.

Он обнаружил их в чулане под лестницей. В большой коробке, куда раньше складывал игрушки. Но игрушек не осталось, а разноцветные коленкоры тетрадки были. Глеб выволок коробку в гостиную и уселся в кресло. Итак.

Сначала он читал внимательно. Глупости: какие-то девичьи секреты, встречи с мальчиками, ссоры с подругами. Мысли, впечатления. Глеб скривился. Он лез в чужую жизнь. Ему казалось, что он просто подглядывает в замочную скважину, любопытствуя из глупости. Какое ему дело, что она думала про какого-то Костика Пузырёва? Почему она терпеть не могла учителя математики? Это личное. Это только её. И он на это право не имел. И рыться в этом не станет. Это низко. Глеб никогда не понимал родственников великих людей, которые с готовностью публиковали дневники ушедших предков. Это как выставить человека голым на всеобщее осмеяние. Он своей маме такого не желал. Она ушла, пусть и жизнь её уйдет.

Он разжёл камин, подвинул ящик к самой решётке. Коленкоры и картонные обложки скукоживались от огня, а пламя старательно перелистывало странички, прочитывая жизнь Полины Георгиевны Цветковой и превращая её в пепел.

На самом дне ящика лежала толстая папка из серого картона. На ней ярким красным фломастером было написано: «Глеб Цветков № 0015». Глеб Цветков — это он. На эту папку он точно право имел. Глеб потянул завязку.

«Дорогой мой Глебушка, — бежали по листку мамины буквы, — если ты это читаешь, то значит наш разговор не случился. Но ты отыскал папку. Я знаю, что ты во всём разбе-

решься. Я не желала тебе зла, а только счастья. А получилось так, как получилось. Я любила науку и тебя. И не смогла сделать выбор в нужный момент. Прости меня, если сможешь. Я очень поздно поняла, что люди важнее. Мама».

Глеб дрожащими руками осторожно опустил папку на столик.

Нет. Не надо. Он не хочет знать всей правды. Но он должен. Он же обещал маме приехать, чтобы с ней поговорить. Пусть хоть так он поговорит. Значит, там что-то страшное, раз она умерла. Сердце не выдержало. А он? В голове загудело. Он выдержит? Он должен. Но это он сделает завтра, завтра. Не надо сейчас.

Чтобы унять дрожь и панику он метнулся на кухню, плеснул в стакан коньяка, там и остался. В гостиную идти было страшно, и он ушёл в спальню. Поспать. Утро вечера мудренее.

А утро было светлым, почти праздничным, ветреным. Корабельными мачтами качались в роще сосны. И вечерняя паника немного поулеглась. Глеб отругал себя за слабость, строгим аллочкиным тоном напомнил, что ему вообще-то тридцать два года, и он не ребёнок, чтобы впадать в истерию. Он перенёс папку в отцовский кабинет и уселся за стол. И отец как будто бы оказался рядом. Ничего, он справится. Так что там мама натворила?

Сверху лежала ведомость. **Проект «Янтарь». Первый поток. 12.12.1990 год.** Список добровольцев. Таблица: имя, дата рождения, порядковый номер. Ещё был столбец про минуты и регистр. Непонятно.

Но он нашёл своё имя в этой ведомости. Глеб Сергеевич Цветков. 07.07.1990. 0015, 30 сек, регистр средний.

Другие дети тоже были, но возраст у всех разный, регистры разные, время разное. Все старше, только он совсем младенец.

А нет, ещё девчонка какая-то, месячная кроха.

Дальше лежала серая толстая конторская книга. Здесь всё подробно было расписано про каждого вплоть до показателей крови и мочи. Над детьми проводили опыты, как над кроликами! И он один из них. В хвалёном мамином Институте Мозга проводили незаконные опыты над маленькими детьми!

Добровольцы? Ему пять месяцев было! Кто решил за него? Мама! Что же ты наделала! В каком же преступлении ты участвовала?!

Так, спокойно.

А что делали? Какие опыты? Чего хотели добиться?

Глеб пролистал всю толстую книгу. Опыты, результаты, выводы. В самом конце таблица с выводами.

Глеб Сергеевич Цветков — результат стабильно закреплён. Признак проявлен ярко. Побочных эффектов нет. Интересно, что же у него стабильно закреплено? И что с этим прикажете делать?

Глеб усмехнулся.

Вот у девчонки-младенчика тоже стабильно закреплено. А у остальных? Есть яркая форма, стёртая форма, есть нестабильное проявление, есть отсутствие результата. Но в последней графе у всех кроме двоих запись — *эффект утерян*. И было ещё два страшных слова — **смерть**. Что проявляли у детей в возрасте от нуля до семи лет? Из этих двадцати ребятшек двое умерли. Одна фамилия оказалась знакомой. Надежда Ростова. Кажется, была такая художница.

Когда закончили вести наблюдения? В 2010 году.

А мама говорила, что институт закрыли. Она всё время была дома с ним. Выходит, она вела наблюдение за подопытным образцом.

Занятно. Где правда?

Вернулось навязчивое гудение, самолёт в голове пошёл на взлёт. Чёрт! Что же это такое? Как это всё объяснить?

Глеб отодвинул старый лабораторный журнал. Под ним обнаружился небольшой белый листок. Свежий. И там маминой рукой было написано:

«Калининградская область, посёлок Рыбачий, улица Сосновая, дом 24. Настройщик Кирилл Львович Задорожный. ОН ВСЁ ОБЪЯСНИТ.»

Глава 4. Яна

— Яна Андреевна, — голос в телефоне был вкрадчивым, вежливым и мягким, — моя фамилия Жалилов. Мы с вами не знакомы, но хотелось бы встретиться.

— Зачем? — Яна подобные экивоки терпеть не могла. Ей всегда нужна была конкретика.

— Я являюсь научным сотрудником лаборатории господина Верховцева. У меня к вам вопросы, скажем так, личного характера.

— Личные вопросы в личной беседе, — брякнула Яна, — И кто это?

— Алексей Владимирович Верховцев является одним из крупнейших специалистов в области нейрофизиологии, — снисходительно объяснил голос. — Мне поручили встретиться с вами от его имени. Это возможно?

— В ближайшие три дня никак. Закрываю отчёт, — соврала Яна. — В субботу подойдёт?

— Вполне, — в бесцветном голосе собеседника промелькнула радость. — Где это будет удобно сделать?

— В Парке Победы, — определила Яна через небольшую паузу, словно раздумывая, — у киосков с мороженым. Как вас узнать?

— У меня будет оранжевый рюкзак.

— Тогда в субботу, Парк Победы, в полдень, — и она отключила телефон.

Парк Победы — локация удобная. На Никольской толчея и «белый шум», на Цветном бульваре бесконечные гудки машин. А здесь у Яны доступ ко всем камерам. Здесь — просторно. Можно погулять по аллеям на свежем воздухе, а потом неспешно изучить раскладку в тиши кабинета. Всё как на ладони. Щёлк — и готово.

Понятно, что прогуляется она с господином Жалиловым по самому выгодному для себя маршруту. Кто она? Для всего мира просто бухгалтер. «Финансовый аналитик» — так теперь модно называли носителей мирной, незамысловатой профессии. Бухгалтер, говорите? Ну-ну.

Платице она выбрала самое легкомысленное: розовое, с рюшечками и глупыми цветочками. Босоножки блестящие, ноготочки на пальцах подкрашены в кислотно-розовый. Сумка модного цвета «фуксия», но в толстой ручке — камера. Солнцезащитные очки пока выполняли роль ободка, прижавшего белокурые короткие прядки. Блондинка, что и говорить. Яна с отвращением посмотрела на своё отражение в зеркале. Всё как надо.

Господин Жалилов действительно не ожидал увидеть перед собой дамочку в розовом, он даже скрыть изумление не успел. Ему шла фамилия. Он походил на шмеля-переростка, даже футболка у него была полосатой. И этот идиотский оранжевый рюкзак.

— Добрый день, Яна Андреевна.

— Откуда у вас мой номер? — она осталась привычно резкой. Не превращаться же в Барби окончательно.

— Яна Андреевна, — упрёкнул её Жалилов, — вычислить его совсем нетрудно. Век технологий.

— Я догадалась, — сказала она и двинулась к боковой аллее. — Как вас зовут?

— Евгений Мансурович, можно просто... Женя.

— Так зачем я вам, Женя?

Они пропустили стайку подростков на самокатах.

— Я представляю интересы лаборатории доктора Верховцева. Это крупный учёный. Он занимается механизмами передачи нервных импульсов в человеческом организме.

— Не слышала, — отозвалась Яна.

Жалилов помолчал, подбирая удобные разъяснения.

— Эта лаборатория действует... вне России. Сам научный центр располагается в Бостоне, а отделения в других странах. Из ближайших это Армения и Казахстан. Я приехал из Астаны. Мне поручили провести с вами переговоры.

Казах? А им-то что нужно от бухгалтера Ветровой?

Яна догадалась, о чём пойдёт речь. Она и фамилию Верховцева знала. Отец называл. Сейчас этот тип заговорит про архивы.

— Доктор Верховцев был учеником Андрея Николаевича Ветрова, вашего отца. Он очень ценит его вклад в мировую нейрофизиологию. Ваш отец — светило мировой науки.

— Это я и без вас знаю. Но он умер два года назад.

— Доктор Верховцев хотел бы продолжить дело своего учителя.

— А я при чём? Я, Евгений Мансурович, обыкновенный бухгалтер, в высокую науку не лезу.

— Но, вероятно, у вас сохранились бумаги академика, его архив, дневники.

Да ты мой хороший пухляшечка! И тебе нужны архивы? Ну ладно, я тебе препятствий чинить не буду. Называй цену. Деньги лишними не бывают.

— Возможен ли доступ к этим бумагам, Яна Андреевна?

— Ко мне уже приезжали японцы, — отозвалась Яна небрежно и безразлично, — и тоже интересовались отцовскими записями и дневниками. Хорошую цену предлагали. Я обещала подумать.

Толстые щёки шмеля огорчённо дрогнули.

— Сами бумаги я не отдам, — уточнила Яна задумчиво, — но открою доступ к файлам и ксерокопиям. Разумеется, не бесплатно. Труды моего отца — это достояние всего человечества, как пафосно заявили посланцы Страны восходящего солнца. А раз так, то они принадлежат всему человечеству. Пусть приедет официальный представитель, мы подпишем документ и определим сроки работы с материалами. Я посоветуюсь с юристами.

Правильно. Она — аналитик. Но переговорщику этого знать не нужно. Для него Ветрова — жадная блондинка, бездумно торгующая отцовскими достижениями. Пусть сидят и разбираются в отцовских каракулях, таблицах и выводах. А про проект «Янтарь» она им не скажет ничего. Эти документы надёжно спрятаны. Она вовсе не дура. Папаша в своё время позаботился о её гениальности.

Обрадованный шмель торопливо закивал, протянул ей прямоугольник визитки.

— Здесь мои контакты, Яна Андреевна. Могу я передать ваши коллегам в Бостоне?

— Можете, — согласилась блондинка Ветрова. — Скажите, когда они появятся? А то я собираюсь съездить отдохнуть. Лето на дворе. Уеду — и меня не застанут.

— Я не уполномочен решать такие вопросы, — тон посланца стал суше. — Я свяжусь с представительством и уточню сроки. Можно я позвоню завтра?

— Звоните, — благосклонно кивнула Яна. — Лучше утром. Вечером я с подругой иду на мюзикл.

Хотелось знать, как быстро обозначится Жалилов. Если утром, то срочность большая. Ведь в Бостоне будет глубокая ночь.

Дома Яна открыла ноутбук и забралась в систему видеонаблюдения Москвы. Отыскала нужные файлы, внимательно рассмотрела себя и посланца Верховцева. А что, ничего она смотрелась в платице. Такая легкомысленная особа. И вполне ожидаемо за ними на приличном расстоянии двигался молодой мужчина в неброской одежде. С такими товарищами она уже сталкивалась. Несколькими щелчками мыши она перескочила на камеру во дворе дома. Двор пустовал. Значит, вели казахстанского шмеля.

Верховцев? Что известно о нём? Понятно, что на открытых страничках оказалось только официальная информация. Выходец из СССР, представитель киевской научной школы нейрофизиологии, ученик академика Ветрова. Глава крупнейшей научной лаборатории «Physiology

of thinking» — РНОТ, профессор и прочая, и прочая, и прочая. Много регалий у дяденьки. Даже на Нобелевку выдвигали. Просто парад.

Ладно, попробуем зайти через черный ход. Она всмотрелась в цепочку транзакций и конечных точек. Объект наследил. Если у них дыра в защите, она пройдет сквозь их барьер за пару минут. Главное — не оставить отпечатков. Иначе безопасники вычислят её схему быстрее, чем она переключит узел выхода.

Пальцы привычно побежали по клавиатуре, по экрану потекли строчки. Но в лаборатории Верховцева за безопасность отвечали, судя по всему, тёртые ребята. Задача-то со звёздочкой. Придётся повозиться. Но кто-нибудь из этих яйцеголовых лаборантов кликнет по ссылке, и тогда вся их хваленая сеть станет прозрачной. Вот тогда и поглядим. Но это она сделает попозже, без спешки.

— Представитель лаборатории вылетает сегодня из Бостона, — отчитался в девять утра Жалилов. — Он будет в Москве во вторник и уладит все формальности.

«Похоже, у Верховцева бессонница, — в душе проклюнулось злорадство. — Крепко вас зацепил академик Ветров своим открытием. Да только шиш вам с маслом, а не проект «Янтарь». Вот была же в Советском Союзе настоящая наука. Ничего не скажешь. Жалко, что закончилась».

Итак, архивы отца нужны Верховцеву позарез. Раз он среди ночи отправил человека через океан и согласился играть по её правилам — не торговался, не раздумывал.

Зачем учёному с мировым именем разработка старого советского проекта? И главное — откуда он вообще о нём узнал? Она помнила, как отец захлопнул дверь своей квартиры перед Верховцевым. Но тот упорно лез снова.

Глава 5. Академик

Зима тысяча девятьсот девяностого года началась с погодных истерик. То подморозит, то отпустит, превращая снег в кашу. Улицы в Лефортово убирали из рук вон плохо. Промозглый ветер сдирает с асфальта остатки снега вместе с остатками настроения. Хотелось поскорее укрыться за толстыми надёжными стенами института.

В конференц-зале собрались те немногие, кто занимался последней разработкой. Пыльный, холодный, бездушный зал был особенно унылым в свете последних новостей. Когда-то он видел лучшие времена: достаток, показательную, очень недешёвую лаконичность интерьеров, яркий свет, шумные конференции. Но всё было в прошлом. Времена настали непростые. Даже белые халаты лаборантов не вносили бодрости.

А их и было-то всего двое. Алексей Верховцев — стажёр, приехавший на практику из Киева, и Полина Цветкова. Она числилась старшим лаборантом и вела проект с самого начала. Полина работала с документами и журналами опытов. Разбирала их вечером и ночью, анализировала, систематизировала. А день принадлежал шестимесячному сыну.

Андрей Николаевич Ветров стремительно прошёл между рядами кресел, но не стал привычно подниматься на сцену, а остановился перед ней. Выглядел он неважно: потемневшее лицо, круги под глазами, горькая складка на лбу, словно он никак не мог решить какую-то трудную задачу. Даже обычно аккуратно зачёсанные назад волосы оказались растрёпанными.

— Товарищи. Коллеги, — голос его прозвучал глухо и негромко, — вчера в дирекции института было принято решение о закрытии нашего проекта.

Собравшиеся даже ушам своим не поверили. Уж кому-кому, а академику Ветрову не посмели бы закрывать проект, слишком велико было его влияние. Но сотрудники опытной лаборатории молчали: кто-то от потрясения, кто-то в ожидании хоть какого-то продолжения. Таким Ветрова они не видели никогда.

— Я пытался доказать, что работу надо продолжить, — академик вдруг скривился и даже заговорил виновато, чего с ним сроду не случалось. — Говорил, что проект находится на финальной стадии, «Сфера» собрана и прошли первые испытания. Надо ждать результатов и вести наблюдения. Но...

Он развёл руками, и каждый из присутствующих домыслил фразу за него.

— Мне указали, что подобные эксперименты неэтичны и антигуманны.

Ветров оправдывался перед ними. Перед теми, кому всегда только приказывал. Для него они были всего-то солдатами от науки. Но сейчас он своим бойцам всех тонкостей объяснить не мог.

— Кроме того, средств на ведение исследований не осталось. Проще говоря, в институте нет фондов на наш проект. И не только проект. Скоро, как я понял из разговора там, — и он поднял палец вверх, — даже зарплаты сотрудникам платить будет нечем. Финансирование научных исследований сокращают на самом высоком уровне.

Ветров дёрнул за узел галстука, как будто ему стало мало воздуха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.